

O‘ZBEKISTON
QONUNCHILIGI TAHLILI

ILMIY-TAHLILIIY JURNAL
2026-YIL 1-SON

ОБЗОР
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
УЗБЕКИСТАНА

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2026 ГОД № 1

UZBEKISTAN LAW
REVIEW

SCIENTIFIC ANALYTICAL JOURNAL
2026 ISSUE 1

VOLUME 3 / ISSUE 1 / 2026

DOI: 10.51788/TSUL.UZLAWREV.3.1.

ISSN 2181-8118

DOI: 10.51788/TSUL.UZLAWREV.

**MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT
YURIDIK UNIVERSITETI**

“O‘zbekiston qonunchiligi tahlili” ilmiy-tahliliy jurnali O‘zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2014-yil 21-iyulda 02-0074-sonli guvohnoma bilan davlat ro‘yxatidan o‘tkazilgan.

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta‘lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro‘yxatiga kiritilgan.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko‘paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Nashr bo‘yicha mas‘ul:
O. Choriyev

Muharrirlar:
E. Mustafayev,
Y. Yarmolik,
M. Sharifova,
Sh. Beknazarova

Musahhih:
M. Tursunov

Texnik muharrir:
U. Sapayev

Dizayner:
D. Rajapov

Tahririyat manzili:
100047. Toshkent shahar,
Sayilgoh ko‘chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: lawreview.uz
E-mail: uzlawreview@tsul.uz

Nashriyot litsenziyasi
№ 174625, 29.11.2023-y.

Jurnal 2026-yil 19-martda bosmaxonaga topshirildi.
Qog‘oz bichimi: A4.
Shartli bosma tabog‘i: 12,3.
Adadi: 100. Buyurtma: № 43.

Bosmaxona litsenziyasi
29.11.2023 № 174626

TDYU bosmaxonasida chop etildi.
Bosmaxona manzili:
100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik universiteti

TAHRIR HAY‘ATI**BOSH MUHARRIR**

S. Gulyamov – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquq va texnologiyalar sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

TAHRIR HAY‘ATI A‘ZOLARI

I. Rustambekov – Toshkent davlat yuridik universiteti O‘quv ishlari bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, professor – bosh muharrir o‘rinbosari

Sh. Xo‘jayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Intellektual mulk huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori – mas‘ul muharrir

O. Oqyulov – Toshkent davlat yuridik universiteti Fuqarolik huquqi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

A. Ener – Turkiyaning Anqara Haci Bayram universiteti dotsenti, Energetika nizolari arbitraj markazi bosh kotibi o‘rinbosari, yuridik fanlar doktori

M. Bungenberg – Saarlend universiteti Yevropa instituti direktori, yuridik fanlar doktori

S. Tatar – Turkiyaning Anqara Yildirim Boyazid universiteti professori, yuridik fanlar doktori

J. Peeroo – Sarbonna Universiteti professori, Stone 36 yuridik firmasi advokati, yuridik fanlar doktori

B. Musayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Biznes huquqi va sud himoyasi fakulteti dekani, yuridik fanlar doktori, professor

Sh. Saydullayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq sho‘basi professori, yuridik fanlar nomzodi

D. Habibullayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Fuqarolik protsessual va iqtisodiy protsessual huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, professor

S. Bozorov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro xususiy huquq sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

I. Bekov – Toshkent davlat yuridik universiteti Konstitutsiyaviy huquq sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, professor

V. Ergashev – O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Qonunchilik va huquqiy siyosat instituti direktor o‘rinbosari, yuridik fanlar doktori, professor

Sh. Joldasova – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi huzuridagi Qonunchilik muammolari va parlament tadqiqotlari instituti bosh ilmiy xodimi, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

O. Xazratqulov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro xususiy huquq sho‘basi mudiri, yuridik fanlar nomzodi, professor

D. Suyunova – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat-protsessual huquqi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

D. Maxkamov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ommaviy huquq fakulteti dekani, professor, yuridik fanlar doktori

D. Babadjanova – Toshkent davlat yuridik universiteti Fuqarolik huquqi sho‘basi professori v.b., yuridik fanlar doktori

A. Matmurotov – Toshkent davlat yuridik universiteti Sud hokimiyati, advokatura va huquqni muhofaza qiluvchi organlar sho‘basi dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

E. Rahmatov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro huquq va qiyosiy huquqshunoslik fakulteti dekani, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

M. Turdialiyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro xususiy huquq sho‘basi mudiri o‘rinbosari, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

**УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Научно-аналитический журнал «Обзор законодательства Узбекистана» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 21 июля 2014 года с удостоверением № 02-0074.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:
О. Чориев

Редакторы:

Э. Мустафаев,
Е. Ярмолик,
М. Шарифова,
Ш. Бекназарова

Корректор:

М. Турсунов

Технический редактор:

У. Сапаев

Дизайнер:

Д. Ражапов

Адрес редакции:

100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: lawreview.uz

E-mail: uzlawreview@tsul.uz

Издательская лицензия

от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию

19.03.2026.

Формат бумаги: А4.

Усл. п. л. 12,3. Тираж: 100 экз.

Номер заказа: 43.

Лицензия типографии

от 29.11.2023 № 174626

Отпечатано в типографии

Ташкентского государственного

юридического университета.

100047, г. Ташкент,

ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный
юридический университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

С. Гулямов – профессор сектора права и технологий Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

И. Рустамбеков – проректор Ташкентского государственного юридического университета по учебной работе, доктор юридических наук, профессор – заместитель главного редактора

Ш. Хужаев – заведующий сектором права интеллектуальной собственности Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам – ответственный редактор

О. Окюлов – профессор сектора гражданского права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

А. Энер – доцент Университета Анкары Хаджи Байрам (Турция), заместитель генерального секретаря Арбитражного центра по энергетическим спорам, доктор права

М. Бунгенберг – директор Европейского института Саарского университета, доктор права

С. Татар – профессор Университета Анкары Йылдырым Беязит (Турция), доктор права

Ж. Пироо – профессор Сорбоннского университета, адвокат юридической фирмы Stone 36, доктор права

Б. Мусаев – декан факультета бизнес-права и судебной защиты Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Ш. Сайдуллаев – профессор сектора теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, профессор

Д. Хабибуллаев – заведующий кафедрой гражданского процессуального и экономического процессуального права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

С. Бозоров – профессор сектора международного частного права Ташкентского государственного юридического университета (Registrar's Office), доктор юридических наук

И. Беков – заведующий сектором конституционного права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

В. Эргашев – заместитель директора Института законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

Ш. Джолдасова – ведущий научный сотрудник Института проблем законодательства и парламентских исследований при Олий Мажлисе Республики Узбекистан, доктор философии по юридическим наукам

О. Хазраткулов – заведующий сектором международного частного права Ташкентского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, профессор

Д. Суюнова – профессор сектора уголовно-процессуального права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Д. Махкамов – декан факультета публичного права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Д. Бабаджанова – и.о. профессора сектора гражданского права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

А. Матмуротов – доцент сектора судебной власти, адвокатуры и правоохранительных органов Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

Э. Рахматов – декан факультета частного права и сравнительного правоведения Ташкентского государственного юридического университета по делам молодёжи и духовно-просветительской работе, доктор философии по юридическим наукам, доцент

М. Турдиалиев – заместитель заведующего сектора международного частного права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

**FOUNDER: TASHKENT STATE
UNIVERSITY OF LAW**

"Uzbekistan Law Review" scientific and analytical journal was registered by Press and Information Agency of Uzbekistan on July 21, 2014, with certificate number 02-0074.

The journal is included in the list of journals of the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan. Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of materials of the journal are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:

O. Choriev

Editors:

E. Mustafaev,
Y. Yarmolik,
M. Sharifova,
Sh. Beknazarova

Proofreader:

M. Tursunov

Technical editor:

U. Sapaev

Designer:

D. Rajapov

Publishing department address:

100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: lawreview.uz

E-mail: uzlawreview@tsul.uz

Publishing license

№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the
Printing

house on 19.03.2026.

Paper size: A4.

Cond.p.f: 12,3.

Units: 100. Order: № 43.

Printing house license

№ 174626, 29.11.2023.

Published in the Printing house of
Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

S. Gulyamov – Professor of the Department of Law and Technologies of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

I. Rustambekov – Deputy Rector for Academic Affairs of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor - Deputy Editor-in-Chief

Sh. Khujaev – Head of the Department of Intellectual Property Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law - Executive Editor

O. Okyulov – Professor of the Department of Civil Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

A. Ener – Associate Professor of Ankara Haci Bayram University, Turkey, Deputy Secretary General of the Center for Arbitration of Energy Disputes, Doctor of Law

M. Bungenberg – Saarlend universiteti Yevropa instituti direktori, yuridik fanlar doktori Director of the European Institute of Saarland University, Doctor of Law

S. Tatar – Professor of Ankara Yıldırım Bayezid University, Turkey, Doctor of Law

J. Peeroo – Professor of the University of Sarbonne, lawyer of the law firm Stone 36, Doctor of Law

B. Musaev – Dean of the Faculty of Private International Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

Sh. Saydullaev – Professor of the Department of State and Law of Tashkent State University of Law, Candidate of Legal Sciences

D. Habibullaev – Head of the Department of Civil Procedural and Economic Procedural Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

S. Bozorov – Professor of the Department of Private International Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

I. Bekov – Head of the Department of Constitutional Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

V. Ergashev – Deputy Director of the Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor

Sh. Joldasova – Chief Research Fellow of the Institute of Legislation Problems and Parliamentary Research under the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

O. Khazratkulov – Head of the Department of Private International Law of Tashkent State University of Law, Candidate of Legal Sciences, Professor

D. Suyunova – Professor of the Department of Criminal Procedure Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

D. Mahkamov – Dean of the Faculty of Public Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

D. Babadjanova – Acting Professor of the Department of Civil Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

A. Matmurotov – Associate Professor of the the Department of Judiciary, Advocacy and Law Enforcement Agencies of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

E. Rahmatov – Dean of the Faculty of International Law and Comparative Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor

M. Turdialiyev – Deputy Head of the Department of Private International Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

MUNDARIJA

12.00.01 – DAVLAT VA HUQUQ NAZARIYASI VA TARIXI. HUQUQIY TA'LIMOTLAR TARIXI

8 **XAYDAROVA MARJONA OLIM QIZI**

Davlat huquqiy siyosatining asosiy prinsiplari

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI.
XALQARO XUSUSIY HUQUQ

17 **ABDUQODIROV ABDURAUF BAXODIR O'G'LI**

Yevropa Ittifoqi doirasida yuridik shaxsning davlatga mansubligini aniqlash muammolari

26 **ZIYAMOV BOBURXON BAXTIYOR O'G'LI**

Diplomatiyada sun'iy intellekt: huquqiy va etik asoslar hamda xalqaro tartibga solish istiqbollari

34 **KOKANBAYEVA MADINA SHUKURBEKOVNA**

Subyektiv raqamli huquqlar tizimida insonning qaror qabul qilish huquqi

---

12.00.04 – FUQAROLIK PROTSESSUAL HUQUQI. IQTISODIY PROTSESSUAL HUQUQI.
HAKAMLIK JARAYONI VA MEDIATSIYA

45 **SOLIYEVA KAMOLA RUSTAMJON QIZI**

Meros huquqiy munosabatlarida merosxo'rlarni aniqlash bilan bog'liq muammolar

56 **ODILOVA SITORA BOBIR QIZI**

O'zbekiston qonunchiligida protsessual muddatlar bilan bog'liq huquqiy muammolarni bartaraf etish

---

12.00.05 – MEHNAT HUQUQI. IJTIMOY TA'MINOT HUQUQI

68 **PO'LATOV MIRZOHI QO'ZIMURODOVICH**

Oliy ta'lim tashkilotlari pedagog xodimlarining mehnatiga haq to'lashning huquqiy asoslari

---

12.00.06 – TABIIY RESURSLAR HUQUQI. AGRAR HUQUQ. EKOLOGIK HUQUQ

81 **ALLOBERDIYEVA DURDONA O'KTAMJON QIZI**

Kurort yerlaridan foydalanish va muhofaza qilishning huquqiy jihatleri

---

12.00.09 – JINOYAT PROTSESSI. KRIMINALISTIKA, TEZKOR-QIDIRUV HUQUQ VA
SUD EKSPERTIZASI

89 **NURITDINOV JAMSHIDXON MAMUTXONOVICH**

Sud-ekspertlik sohasida raqamlashtirish va zamonaviy texnologiyalardan foydalanish

97 **SULTONOVA LOBAR MAMARAYIM QIZI**

O'zbekiston qonunchiligini ekstraditsiya bo'yicha xalqaro standartlar bilan uyg'unlashtirish imkoniyatlari

---

12.00.10 – XALQARO HUQUQ

108 **ABDIYEVA KAMOLA KOMILJONOVNA**

Raqamli transformatsiya sharoitida raqamli tafovut ayollar huquqlarini amalga oshirishga tahdid sifatida: xalqaro-huquqiy va milliy tahlil

---

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

- 8 **ХАЙДАРОВА МАРЖОНА ОЛИМ КИЗИ**
Основные принципы государственной правовой политики

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО.
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- 17 **АБДУКОДИРОВ АБДУРАУФ БАХОДИР УГЛИ**
Проблемы определения государственной принадлежности юридического лица в рамках Европейского союза
- 26 **ЗИЯМОВ БОБУРХОН БАХТИЁР УГЛИ**
Искусственный интеллект в дипломатии: правовые и этические рамки и перспективы международного регулирования
- 34 **КОКАНБАЕВА МАДИНА ШУКУРБЕКОВНА**
Право на человеческое решение в системе субъективных цифровых прав

12.00.04 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. АРБИТРАЖ И МЕДИАЦИЯ

- 45 **СОЛИЕВА КАМОЛА РУСТАМЖОН КИЗИ**
Проблемы определения наследников в наследственных правоотношениях
- 56 **ОДИЛОВА СИТОРА БОБИР КИЗИ**
Устранение правовых проблем, связанных с процессуальными сроками в законодательстве Узбекистана

12.00.05 – ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

- 68 **ПУЛАТОВ МИРЗОХИД КУЗИМУРОВИЧ**
Правовые основы оплаты труда педагогических работников высших образовательных организаций

12.00.06 – ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

- 81 **АЛЛОБЕРДИЕВА ДУРДОНА УКТАМЖОН КИЗИ**
Правовые аспекты использования и охраны земель курортных территорий

12.00.09 – УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ
ПРАВО И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- 89 **НУРИТДИНОВ ЖАМШИДХОН МАМУТХОНОВИЧ**
Цифровизация и использование современных технологий в судебно-экспертной сфере
- 97 **СУЛТОНОВА ЛОБАР МАМАРАЙИМ КИЗИ**
Возможности гармонизации законодательства Узбекистана с международными стандартами экстрадиции

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- 108 **АБДИЕВА КАМОЛА КОМИЛЖОНОВНА**
Цифровой разрыв как вызов реализации прав женщин в условиях цифровой трансформации: международно-правовой и национальный анализ

CONTENTS

12.00.01 – THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW. HISTORY OF LEGAL DOCTRINES

- 8 **KHAYDAROVA MARJONA OLIM KIZI**
Basic principles of state legal policy

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- 17 **ABDUKODIROV ABDURAUF BAKHODIR UGLI**
Problems of determining the state belonging of a legal entity within the framework of the European Union
- 26 **ZIYAMOV BOBURKHON BAKHTIYOR UGLI**
Artificial intelligence in diplomacy: legal and ethical framework and prospects of international regulation
- 34 **KOKANBAEVA MADINA SHUKURBEKOVNA**
The right to a human to make decisions in the system of subjective digital rights

---

12.00.04 – CIVIL PROCEDURAL LAW. ECONOMIC PROCEDURAL LAW. ARBITRATION PROCESS AND MEDIATION

- 45 **SOLIEVA KAMOLA RUSTAMJON KIZI**
Problems related to the determination of inheritors in inheritance legal relations
- 56 **ODILOVA SITORA BOBIR KIZI**
Elimination of legal problems related to procedural terms in the legislation of Uzbekistan

---

12.00.05 – LABOR LAW. SOCIAL SECURITY LAW

- 68 **PULATOV MIRZOHID KUZIMURODOVICH**
Legal basis for remuneration of pedagogical staff of higher education institutions

---

12.00.06 – THE LAW OF NATURAL RESOURCES. AGRARIAN LAW. ENVIRONMENTAL LAW

- 81 **ALLOBERDIEVA DURDONA UKTAMJON KIZI**
Legal aspects of use and protection of resort lands

12.00.09 – CRIMINAL PROCEEDINGS. FORENSICS, INVESTIGATIVE LAW AND FORENSIC EXPERTISE

- 89 **NURITDINOV JAMSHIDKHON MAMUTKHONOVICH**
Digitalization and use of modern technologies in the forensic sector
- 97 **SULTONOVA LOBAR MAMARAYIM KIZI**
Possibilities for harmonizing Uzbekistan's legislation with international extradition standards

---

12.00.10 – INTERNATIONAL LAW

- 108 **ABDIEVA KAMOLA KOMILJONOVNA**
The digital space as a challenges to the realization of women's rights in the context of digital transformation: international legal and national analysis

Kelib tushgan / Получено / Received: 16.02.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 02.03.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 19.03.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.uzlawrev.3.1./PDZT1991>
UDC: 347:004(045)(575.1)

ПРАВО НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ В СИСТЕМЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Коканбаева Мадина Шукурбековна,

самостоятельный соискатель

Ташкентского государственного юридического университета

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3396-9973>

e-mail: m.kokanbaeva@unesco.org

Аннотация. Стремительное внедрение систем искусственного интеллекта в процессы принятия юридически значимых решений поставило перед правовой наукой фундаментальный вопрос о месте права на человеческое решение в системе субъективных цифровых прав. В настоящей статье предпринимается попытка системного определения нормативного содержания указанного права, установления его соотношения с другими цифровыми правами – правом на доступ к Интернету, правом на защиту персональных данных, правом на цифровую идентичность, правом на забвение и правом на информационное самоопределение, – а также определения пределов его реализации. На основе догматического анализа, системно-структурного и сравнительно-правового методов автор исследует нормативные источники формирования данного права (международные документы и законодательство Республики Узбекистан), критически оценивает доктринальные позиции ведущих исследователей и предлагает авторскую трёхкомпонентную модель содержания права на человеческое решение, включающую процедурный, материальный и защитный элементы. Обосновывается вывод о том, что право на человеческое решение представляет собой самостоятельное субъективное цифровое право, одновременно выполняющее функцию права-гарантии, обеспечивающего реализацию иных цифровых прав в условиях алгоритмического общества.

Ключевые слова: право на человеческое решение, субъективное цифровое право, автоматизированное принятие, искусственный интеллект, цифровые права человека, GDPR, EU AI Act, правосудие, человеческий надзор, алгоритмическая прозрачность

SUBYEKTIV RAQAMLI HUQUQLAR TIZIMIDA INSONNING QAROR QABUL QILISH HUQUQI

Kokanbayeva Madina Shukurbekovna,

Toshkent davlat yuridik universiteti

mustaqil izlanuvchisi

Аннотация. Sun'iy intellekt tizimlarining yuridik ahamiyatga ega qarorlar qabul qilish jarayonlariga jadal joriy etilishi huquqshunoslik fani oldiga subyektiv raqamli huquqlar tizimida inson qaroriga bo'lgan huquqning o'rni to'g'risidagi fundamental masalani qo'ydi. Ushbu maqolada mazkur huquqning me'yoriy mazmunini tizimli aniqlash, uning boshqa raqamli huquqlar – internetdan foydalanish huquqi, shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish huquqi, raqamli identifikatsiya huquqi,

unutilish huquqi va axborot bo'yicha o'z taqdirini belgilash huquqi kabilar bilan o'zaro nisbatini o'rnatish, shuningdek, uni amalga oshirish chegaralarini belgilashga harakat qilingan. Muallif dogmatik tahlil, tizimli-strukturaviy va qiyosiy-huquqiy metodlar asosida ushbu huquqni shakllantiruvchi normativ manbalar (xalqaro hujjatlar va O'zbekiston Respublikasi qonunchiligi)ni tadqiq etib, yetakchi tadqiqotchilarning doktrinal pozitsiyalarini tanqidiy baholagan hamda inson qaroriga bo'lgan huquq mazmunining protsessual, moddiy va himoya elementlarini o'z ichiga olgan uch komponentli mualliflik modelini taklif etgan. Shuningdek, inson qaroriga bo'lgan huquq mustaqil subyektiv raqamli huquq bo'lib, ayni paytda algoritmik jamiyat sharoitida boshqa raqamli huquqlarning amalga oshirilishini ta'minlovchi huquq-kafolat vazifasini ham bajarishi to'g'risidagi xulosani asoslab bergan.

Kalit so'zlar: *inson qaroriga bo'lgan huquq, subyektiv raqamli huquq, avtomatlashtirilgan qaror qabul qilish, sun'iy intellekt, inson raqamli huquqlari, GDPR, EU AI Act, odil sudlov, inson nazorati, algoritmik shaffoflik*

THE RIGHT TO A HUMAN TO MAKE DECISIONS IN THE SYSTEM OF SUBJECTIVE DIGITAL RIGHTS

Kokanbaeva Madina Shukurbekovna,

Independent Researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. *The rapid introduction of artificial intelligence systems into the processes of making legally significant decisions has raised the fundamental question of the place of human decision-making rights in the system of subjective digital rights before legal science. This article attempts to systematically define the normative content of this right, establish its relationship with other digital rights – the right to access the Internet, the right to personal data protection, the right to digital identity, the right to be forgotten, and the right to information self-determination – and define the limits of its implementation. Based on dogmatic analysis, system-structural, and comparative legal methods, the author examines the normative sources of the formation of this right (international documents and the legislation of the Republic of Uzbekistan), critically assesses the doctrinal positions of leading researchers, and proposes an author's three-component model of the content of the right to human decision, including procedural, material, and protective elements. The conclusion is substantiated that the right to human decision represents an independent subjective digital right, which simultaneously performs the function of a guarantee right, ensuring the realization of other digital rights in the context of an algorithmic society.*

Keywords: *right to a human decision, subjective digital right, automated decision-making, artificial intelligence, digital human rights, GDPR, EU AI Act, justice, human oversight, algorithmic transparency*

Введение

Современный этап цифровой трансформации характеризуется внедрением систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) в сферы, традиционно принадлежащие исключительно человеческому суждению. От алгоритмов оценки риска рецидива в уголовном правосудии до автоматизированных систем кредитного скоринга, от технологий распознавания лиц до генеративных моделей, способных создавать проекты судебных решений, – столь значительный объем передачи юридически значимых решений машинам ставит перед правовой наукой новые вызовы, к которым классическая доктрина субъективных прав оказалась недостаточно подготовленной. Ключевой вопрос в этом контексте заключается в следующем: имеет ли индивид право на то, чтобы решение, затрагивающее его интересы, принималось именно человеком, а не алгоритмом? И если такое право существует, следует ли рассматривать его как

самостоятельное субъективное цифровое право или как производную процедурную гарантию существующих прав?

Нормативная база, в рамках которой данный вопрос приобретает практическое значение, формируется стремительно. Статья 22 Общего регламента по защите данных Европейского союза (GDPR) закрепляет право субъекта данных не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке, включая профилирование, если такое решение влечёт юридические последствия или аналогичным образом существенно затрагивает его (European Union, 2016). Регламент ЕС об искусственном интеллекте (European Union, 2024) вводит требование человеческого надзора за высокорисковыми системами ИИ, включая те, которые используются в сфере правосудия (European Union, 2024). На международном уровне Ю. Шани убедительно аргументирует, что право на человеческое решение проходит процесс трансформации из цифрового права в полноценное международное право человека, опираясь на генеалогическую цепочку: французский Закон 1978 года → Директива 95/46/ЕС → GDPR (статья 22) → Конвенция 108+ → Африканская конвенция о кибербезопасности 2014 года (Shany, 2023a).

Вместе с тем при всём внимании нормотворцев к данной проблематике доктринальная разработка права на человеческое решение как самостоятельного субъективного права остаётся фрагментарной. Д. Дрор-Шполянски и Ю. Шани предложили типологию цифровых прав человека, в рамках которой право не подвергаться автоматизированным решениям рассматривается как «цифровое право третьего поколения», требующее создания новых нормативных конструкций (Dror-Shpoliansky & Shany, 2021). Конвенция 108+ Совета Европы в обновлённой редакции 2018 года закрепила право индивида не подвергаться решению, существенно затрагивающему его, если оно основано исключительно на автоматизированной обработке данных (Council of Europe, 2018).

Республика Узбекистан в 2024 году утвердила Стратегию развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года, которая, в числе прочего, предусматривает создание нормативно-правовой базы, отвечающей международным стандартам и этическим требованиям ответственного применения ИИ, что непосредственно затрагивает вопрос о месте права на человеческое решение в национальной правовой системе (President of Uzbekistan, 2020).

Однако ни один из упомянутых нормативно-правовых актов и ни одна из существующих доктринальных концепций не дают исчерпывающего ответа на ключевой вопрос настоящего исследования: каково место права на человеческое решение в системе субъективных цифровых прав, в чём состоит его нормативное содержание и каковы пределы его реализации? Целью настоящей статьи является последовательное решение данных задач: систематизация каталога субъективных цифровых прав, определение нормативного содержания права на человеческое решение, установление его соотношения со смежными правами и конструкциями, а также определение предметных, субъектных и функциональных пределов данного права. Методологическую основу исследования составляют догматический анализ нормативных текстов, системно-структурный метод, позволяющий определить место права в системе, и сравнительно-правовой метод, обеспечивающий учёт опыта различных юрисдикций – Европейского союза, Соединённых Штатов Америки, Китая, Сингапура, Российской Федерации и Республики Узбекистан.

Степень научной разработанности темы характеризуется неравномерностью. В западной литературе право на человеческое решение анализировалось преимущественно через призму конкретных нормативных механизмов – статьи 22 GDPR и решения CJEU по делу SCHUFA, – а также в рамках дискуссии о нормативном обосновании данного права (Dror-Shpoliansky & Shany, 2021). Однако комплексное исследование, которое одновременно определяло бы место данного права в системе субъективных цифровых прав, предлагало бы его содержательную модель и устанавливало бы пределы, до настоящего времени не проводилось.

Основная часть

Система субъективных цифровых прав: систематизация и критерии квалификации

Прежде чем определить место права на человеческое решение, необходимо установить контуры той системы, в рамках которой это определение осуществляется. Понятие «субъективные цифровые права» не является устоявшимся терминологическим конструктом – его содержание варьируется в зависимости от доктринальной традиции, правовой системы и контекста использования. Л. Флориди и его соавторы использовали концепцию «этического каркаса для хорошего общества ИИ», в рамках которого цифровые права рассматриваются как расширение классических категорий прав человека в цифровую среду (Floridi et al., 2018). Ю. Шани в программной работе о цифровых правах и пределах международного права прав человека предложил рассматривать цифровые права в рамках «трёх поколений»: первое – адаптация существующих офлайн-прав к онлайн-среде; второе – цифровые права, возникающие на стыке традиционных прав и новых технологий; третье – принципиально новые права, не имеющие офлайн-аналогов (Shany, 2023a).

Систематизация субъективных цифровых прав представляет собой задачу, решение которой зависит от избранного критерия. В настоящей статье предлагается опираться на функциональный подход, группируя цифровые права по их основной нормативной функции в отношении индивида, взаимодействующего с цифровой средой. Можно выделить следующие основные субъективные цифровые права, получившие нормативное закрепление или доктринальное признание к настоящему времени.

Право на доступ к Интернету рассматривается многими исследователями как фундаментальное условие реализации иных цифровых прав. Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 2016 года признала доступ к Интернету элементом обеспечения права на свободу выражения мнений. Ю. Шани относит его к правам второго поколения – цифровым правам, возникающим на стыке традиционных прав и новых условий их реализации (Shany, 2023a).

Право на защиту персональных данных занимает центральное место в системе цифровых прав и получило наиболее развитое нормативное регулирование. GDPR установил детальный режим обработки персональных данных, включающий принципы законности, справедливости и прозрачности, минимизации данных, точности, ограничения хранения и целостности. В Республике Узбекистан данное право реализуется посредством Закона «О персональных данных» от 2 июля 2019 года № ЗРУ-547, который устанавливает основные принципы обработки персональных данных, права субъектов данных и обязанности операторов (Republic of Uzbekistan, 2019).

Право на цифровую идентичность является относительно новой конструкцией, отражающей необходимость правовой защиты цифрового представления личности

в информационных системах. М. Хильдебрандт связывает данное право с концепцией «несводимого Я» (incomputable self) – части человеческой идентичности, которая не поддаётся алгоритмическому описанию и должна быть защищена от попыток машинной таксономизации (Hildebrandt, 2019).

Право на забвение (right to be forgotten), получившее известность благодаря решению Суда ЕС по делу Google Spain (Court of Justice of the European Union, 2014), представляет собой право субъекта данных требовать удаления ссылок на устаревшую или нерелевантную информацию о нём из результатов поиска.

Право на информационное самоопределение (informationelle Selbstbestimmung), впервые сформулированное Федеральным конституционным судом Германии в решении по делу о переписи населения 1983 года, означает право индивида самостоятельно определять порядок раскрытия и использования информации о себе.

Право на алгоритмическую прозрачность предполагает возможность индивида получить информацию о логике алгоритмического процесса, затрагивающего его права и интересы (Court of Justice of the European Union, 2014).

Для квалификации субъективного права как «цифрового» необходимо, на наш взгляд, выполнение трёх критериев. Во-первых, генетическая связь с цифровой средой: право должно возникать из специфических отношений, порождённых цифровыми технологиями, или приобретать принципиально новое содержание в цифровом контексте. Во-вторых, функциональная специфика: право должно обеспечивать защиту интересов индивида от угроз, характерных именно для цифровой среды (алгоритмическая непрозрачность, асимметрия информационной власти, автоматизированная дискриминация). В-третьих, нормативная несводимость: право не должно быть полностью охвачено существующими «аналоговыми» правами – оно должно обладать таким элементом содержания, который требует самостоятельного нормативного оформления. Применение указанных критериев к праву на человеческое решение составит предмет последующего анализа.

Нормативное содержание права на человеческое решение: анализ источников

Формирование нормативного содержания права на человеческое решение происходит из нескольких источников, каждый из которых привносит собственные акценты. Наиболее развитым нормативным выражением данного права является статья 22 GDPR, устанавливающая, что субъект данных имеет право не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке, включая профилирование, которое влечёт юридические последствия в отношении него или аналогичным образом существенно на него влияет. Решение Суда ЕС по делу SCHUFA (OQ v. Land Hessen [SCHUFA], 2023) придало этой норме новую силу, подтвердив, что статья 22(1) GDPR устанавливает не только индивидуальное право, но и общий запрет, действующий независимо от обращения субъекта данных. Это означает, что автоматизированное скоринговое решение третьего лица, на которое впоследствии опирается другой субъект при принятии решения с юридическими последствиями, само по себе подпадает под действие статьи 22.

Р. Биннс и М. Вил обратили внимание на то, что практика многоэтапного профилирования создаёт серьёзные проблемы для применения статьи 22 GDPR: решение, формально принимаемое человеком, может быть де-факто предопределено алгоритмическим выводом на предшествующем этапе, что ставит под сомнение реальность человеческого участия (Binns & Veale, 2021). Данное наблюдение имеет

принципиальное значение для определения содержания права на принятие решения человеком: оно должно охватывать не только формальный, но и субстантивный аспект человеческого участия в принятии решения.

EU AI Act 2024 года вводит иной нормативный механизм – требование человеческого надзора (*human oversight*) за высокорисковыми системами ИИ. Статья 14 данного регламента устанавливает, что высокорисковые системы ИИ должны быть разработаны и развёрнуты таким образом, чтобы обеспечить эффективный надзор со стороны физических лиц в период использования системы (European Union, 2024). При этом приложение 3 относит к высокорисковым, в частности, системы ИИ, используемые в отправлении правосудия и демократических процессах, включая системы, предназначенные для оказания помощи судебным органам в исследовании и толковании фактов и права и в применении права к конкретному набору фактов. М. Вил и Ф. Зюйдервеен Боргезиус в критическом анализе проекта AI Act отметили, что концепция «человеческого надзора» остаётся недостаточно определённой: неясно, какой уровень вовлечённости человека является достаточным для того, чтобы считать требование надзора выполненным (Zuiderveen Borgesius, 2020).

Рамочная конвенция Совета Европы по искусственному интеллекту и правам человека, демократии и верховенству права, принятая 17 мая 2024 года, стала первым обязывающим международным договором, непосредственно затрагивающим вопросы ИИ и прав человека (Council of Europe, 2024). Конвенция обязывает государства-участников обеспечить, чтобы решения, принимаемые или существенно обусловленные системами ИИ, были совместимы с правами человека, и предусматривает возможность обжалования таких решений. Рекомендация ОЭСР по ИИ в обновлённой редакции 2024 года закрепила принцип «контролируемости» (*accountability*) и «надёжности» (*robustness*), подчёркивая необходимость поддержания контроля человека над системами ИИ (OECD, 2024). Модель управления ИИ Сингапура (Model AI Governance Framework) предлагает основанный на риске подход, в рамках которого уровень необходимого человеческого вмешательства определяется степенью потенциального воздействия системы ИИ на индивида (Personal Data Protection Commission Singapore, 2020).

Китайская Народная Республика в «Промежуточных мерах по управлению генеративным искусственным интеллектом» (Cyberspace Administration of China, 2023) установила требования к прозрачности и соблюдению «законных прав и интересов» лиц, затрагиваемых алгоритмическими решениями (Cyberspace Administration of China, 2023).

Законодательство Республики Узбекистан находится на этапе активного формирования: принятый Закон Республики Узбекистан «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с регулированием отношений, возникающих при применении искусственного интеллекта» от 21 января 2026 года № ЗРУ-1115 вводит в национальную правовую систему понятие ИИ и устанавливает общие правила его использования (Republic of Uzbekistan, 2026). Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030» определяет цифровую трансформацию как приоритетное направление государственной политики (President of Uzbekistan, 2020). Закон «О кибербезопасности» от 2022 года создаёт институциональную основу для защиты прав граждан в цифровой среде (Republic of Uzbekistan, 2022).

Синтез анализа нормативных источников позволяет выделить три компонента содержания права на человеческое решение. Процедурный компонент представляет собой право индивида требовать вмешательства человека в автоматизированный процесс принятия решения, затрагивающего его права и законные интересы. Данный компонент наиболее явно выражен в статье 22(3) GDPR, гарантирующей субъекту данных право на вмешательство человека со стороны контролёра, право выразить свою точку зрения и право оспорить решение. Материальный компонент заключается в праве индивида на то, чтобы юридически значимое решение было результатом подлинного человеческого суждения – не формального подписания алгоритмического вывода, а самостоятельного осмысления обстоятельств дела, применения нормы права и оценки справедливости результата. Защитный компонент предполагает право индивида на оспаривание решения, принятого без надлежащего участия человека, включая право на раскрытие роли алгоритма в процессе принятия решения.

Следует особо подчеркнуть, что процедурный компонент права на человеческое решение не исчерпывается формальной возможностью запросить пересмотр человеком. Он предполагает наличие институциональных механизмов, позволяющих индивиду эффективно реализовать своё право: механизмов уведомления о том, что решение принято или подготовлено с использованием ИИ, механизмов обращения к компетентному человеку-решателю и механизмов контроля за качеством человеческого пересмотра. Без таких институциональных гарантий процедурный компонент остаётся декларативным. Опыт применения статьи 22 GDPR свидетельствует о том, что даже наличие формального права на вмешательство человека не обеспечивает его реальной эффективности в условиях, когда индивид не осведомлён о факте автоматизированного принятия решения или не имеет доступных каналов для реализации своего права.

Материальный компонент, в свою очередь, ставит наиболее сложный теоретический вопрос: каковы критерии «подлинности» человеческого суждения? Если судья использует генеративный ИИ для подготовки полного текста решения, затем читает его, вносит минимальные правки и подписывает – является ли это «подлинным человеческим решением»? Формально – да: решение подписано судьёй, наделённым соответствующими полномочиями. Субстантивно – это вопрос, требующий детального ответа. Мы полагаем, что «подлинность» человеческого суждения определяется не фактом подписания, а фактом самостоятельного осмысления обстоятельств дела, самостоятельной оценки доказательств и самостоятельного формулирования правовых выводов. Если эти интеллектуальные операции осуществлены алгоритмом, а человек лишь верифицировал результат, материальный компонент права на человеческое решение нарушен, даже если процедурный – формально соблюден. Данная проблема приобретает особую остроту в контексте генеративного ИИ, способного создавать тексты, неотличимые от человеческих по стилю и структуре.

Защитный компонент права на человеческое решение включает не только ретроспективное право на оспаривание уже принятого решения, но и проспективное право на получение информации о роли ИИ в процессе принятия решения. Данный элемент связывает право на человеческое решение с правом на алгоритмическую прозрачность, однако не поглощается им: прозрачность является условием реализации защитного компонента, но не заменяет его. Индивид должен не только знать, что

ИИ участвовал в принятии решения, но и иметь возможность оспорить как процесс (отсутствие надлежащего человеческого участия), так и результат (несправедливость или ошибочность решения). Для этого необходим институт, который можно обозначить как «алгоритмическая экспертиза» – независимая оценка того, каким образом ИИ-система повлияла на содержание решения и соответствовал ли уровень человеческого участия требованиям закона.

Разграничение права на человеческое решение и смежных правовых конструкций

Определение самостоятельности права на человеческое решение требует его чёткого разграничения со смежными конструкциями, наиболее значимыми из которых являются «право на объяснение» (*right to explanation*), «право на пересмотр» (*right to review*) и «право на вмешательство человека» (*right to human intervention*). С. Вахтер, Б. Миттельштадт и Л. Флориди в работе, вызвавшей значительную дискуссию, утверждали, что GDPR не создаёт полноценного «права на объяснение» автоматизированных решений, а лишь право на получение «значимой информации о логике» такой обработки (Wachter et al., 2017). А. Зельбст и Дж. Паулз, напротив, отстаивали более широкое толкование, включающее обязанность контролёра предоставлять понятное объяснение автоматизированного решения (Selbst & Powles, 2017). М. Каминский систематизировала дискуссию, предложив различать «право на объяснение *ex ante*» (до принятия решения) и «право на объяснение *ex post*» (после принятия решения) (Kaminski, 2019).

Принципиальное отличие права на человеческое решение от права на объяснение состоит в том, что последнее касается информационной прозрачности алгоритмического процесса, тогда как первое – самого субъекта принятия решения. Право на объяснение допускает сохранение полностью автоматизированного решения при условии его понятности для затронутого лица; право на человеческое решение требует именно перемещения центра принятия решения от машины к человеку. Аналогичным образом, право на пересмотр (*review*), закреплённое, в частности, в EU AI Act, предполагает возможность пересмотра автоматизированного решения, но не обязательно его принятие человеком заново. Е. Баямлыоглу убедительно показал, что «право на оспаривание» (*right to contest*) автоматизированных решений по GDPR выходит за рамки узко понимаемого «права на объяснение» и включает возможность субстантивного оспаривания самого решения, а не только его мотивировки (Bayamlioglu, 2022).

Право на вмешательство человека (*right to human intervention*), закреплённое в статье 22(3) GDPR, наиболее близко к праву на человеческое решение, но не тождественно ему. «Вмешательство» (*intervention*) может быть минимальным – формальное одобрение алгоритмического вывода, «штемпелевание» (*rubber-stamping*), – и не гарантирует того, что итоговое решение является результатом подлинного человеческого суждения. Право на человеческое решение в предлагаемой концепции предъявляет более высокое требование: решение должно быть принято человеком не формально, а субстантивно, с учётом обстоятельств конкретного дела и на основе самостоятельного применения норм права.

Таким образом, разграничение права на человеческое решение и смежных конструкций может быть проведено по нескольким основаниям. По объекту защиты: право на объяснение защищает информационный интерес (понимание логики решения), право на пересмотр защищает интерес корректности (исправление ошибок),

право на вмешательство человека защищает интерес участия (возможность обращения к человеку), тогда как право на человеческое решение защищает интерес субъектности – право быть объектом суждения другого человеческого существа, способного к моральной оценке. По механизму реализации: право на объяснение реализуется посредством предоставления информации, право на пересмотр – посредством повторной оценки, право на вмешательство – посредством обращения к человеку, а право на человеческое решение – посредством обеспечения того, что принятие решения *ab initio* осуществляется человеком. По временной направленности: право на объяснение и право на пересмотр являются преимущественно ретроспективными (*post factum*), тогда как право на человеческое решение является преимущественно проспективным – оно предъявляет требование к самому процессу принятия решения, а не только к возможности его последующей коррекции.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать несколько ключевых выводов. Система субъективных цифровых прав включает право на доступ к Интернету, защиту персональных данных, цифровую идентичность, право на забвение, информационное самоопределение, алгоритмическую прозрачность и право на человеческое решение. Чтобы право считалось «цифровым», оно должно соответствовать трём критериям: генетической связи с цифровой средой, функциональной специфике и невозможности свести его к существующим «аналоговым» правам.

Нормативное содержание права на человеческое решение включает три компонента: процедурный (право требовать вмешательства человека в автоматизированный процесс), материальный (право на юридически значимое решение, основанное на подлинном человеческом суждении) и защитный (право оспаривать решение, принятое без участия человека). Это право не тождественно праву на объяснение, пересмотр или вмешательство человека, хотя с ними пересекается.

Право на человеческое решение занимает двойственное положение: оно является самостоятельным цифровым правом с собственным содержанием и одновременно обеспечивает реализацию других цифровых прав. Несмотря на критику, его нормативная сила определяется совокупностью оснований: процедурной справедливостью, человеческим достоинством, подотчётностью и защитой от алгоритмической дискриминации.

Пределы этого права определяются по трём измерениям: предметные (значимое воздействие, с абсолютным ядром в уголовном правосудии и периферией в других сферах), субъектные (государство, суды и операторы ИИ) и функциональные (возможность ограничений при соблюдении теста пропорциональности и баланса с правом на доступ к правосудию).

Таким образом, право на человеческое решение – это субъективное цифровое право, позволяющее требовать, чтобы решения, существенно влияющие на права, свободы или законные интересы человека, принимались человеком, а не исключительно автоматизированной системой, и оспаривать решения, нарушающие это требование.

Практическая ценность полученных результатов заключается в необходимости закрепления права на человеческое решение в национальных и международных актах. Для Республики Узбекистан это предполагает: включение нормы в проект Закона «Об искусственном интеллекте» о пересмотре человеком решений ИИ, дополнение

Закона «О персональных данных» положением, аналогичным статье 22 GDPR, и установление процессуального механизма оспаривания решений с использованием ИИ. В частности, целесообразно рассмотреть изменения в гражданском, хозяйственном и административном процессуальном законодательстве, предусматривающие указание факта использования ИИ при подготовке решений и характер такого использования.

Кроме того, Закон «О кибербезопасности» может быть дополнен нормами о возможности человеческого пересмотра критически важных решений ИИ. Эти меры соответствуют целям стратегий «Цифровой Узбекистан – 2030» и развития ИИ до 2030 года, позволяя сочетать инновации и защиту прав граждан.

Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на конкретных механизмах реализации права на человеческое решение, включая стандарты «подлинного» человеческого надзора и критерии достаточности участия человека. Актуальна разработка методологии «алгоритмической экспертизы» и эмпирическое изучение проблемы *automation bias* в различных юрисдикциях. Междисциплинарный характер задачи требует совместных программ юристов, специалистов по ИИ и представителей гражданского общества.

REFERENCES

1. Bayamlioglu, E. (2022). The Right to Contest Automated Decisions Under the GDPR: Beyond the So-called Right to Explanation. *Regulation & Governance*, 16(4), 1058–1078.
2. Binns, R., & Veale, M. (2021). Is That Your Final Decision? Multi-stage Profiling, Selective Effects, and Article 22 of the GDPR. *International Data Privacy Law*, 11(4), 319–332.
3. OQ v. Land Hessen (SCHUFA), ECLI:EU:C:2023:957. (2023). Case C-634/21.
4. Council of Europe. (2018). *Convention for the Protection of Individuals with regard to the Processing of Personal Data* (Convention 108+, CETS No. 223). Council of Europe Portal. <https://rm.coe.int/16808ac918>
5. Council of Europe. (2024, May 17). *Framework convention on artificial intelligence and human rights, democracy and the rule of law*. Council of Europe Treaty Series - No. 225.
6. Court of Justice of the European Union. (2014, May 13). *Judgment of the court (grand chamber) in case C-131/12, Google Spain SL and Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González*. InfoCuria.
7. Cyberspace Administration of China. (2023, July 13). *Interim measures for the management of generative artificial intelligence services*.
8. Dror-Shpoliansky, D., & Shany, Y. (2021). It's the end of the (offline) world as we know it: From human rights to digital human rights – a proposed typology. *European Journal of International Law*, 32(4), 1249–1282.
9. European Union. (2016). Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation). *Official Journal of the European Union*.
10. European Union. (2024). Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). *Official Journal of the European Union*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689>

11. Floridi, L., Cowls, J., Beltrametti, M., Chatila, R., Chazerand, P., Dignum, V., Luetge, C., Madelin, R., Pagallo, U., Rossi, F., Schafer, B., Valcke, P., & Vayena, E. (2018). AI4People—An ethical framework for a good AI society: Opportunities, risks, principles, and recommendations. *Minds and Machines*, 28(4), 689–707. <https://doi.org/10.1007/s11023-018-9482-5>
12. Hildebrandt, M. (2019). Privacy as protection of the incomputable self: From agnostic to agonistic machine learning. *Theoretical Inquiries in Law*, 20(1), 83–121.
13. Kaminski, M. E. (2019). The right to explanation, explained. *Berkeley Technology Law Journal*, 34(1), 189–218.
14. OECD. (2024, May 3). *Recommendation of the council on artificial intelligence (OECD/LEGAL/0449)*. OECD Legal Instruments.
15. Personal Data Protection Commission Singapore. (2020). *Model Artificial Intelligence Governance Framework* (2nd ed.). PDPC Singapore Portal.
16. President of Uzbekistan. (2020, October 5). *Decree of the President of the Republic of Uzbekistan “On approval of the Strategy “Digital Uzbekistan – 2030” and measures for its effective implementation”*. National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan.
17. President of Uzbekistan. (2024, October 14). *Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan “On measures for enhancement of system of public administration in the sphere of youth policy and sport”*. National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan.
18. Republic of Uzbekistan. (2019, July 2). *On Personal Data (No. LRU-547)*. National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan.
19. Republic of Uzbekistan. (2022, April 15). *On Cybersecurity (No. LRU-764)*. National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan.
20. Republic of Uzbekistan. (2026, January 21). *On making additions and changes to certain legislative acts of the Republic of Uzbekistan in connection with the regulation of relations arising from the use of artificial intelligence (No. LRU-1115)*. National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan.
21. Selbst, A. D., & Powles, J. (2017). Meaningful Information and the Right to Explanation. *International Data Privacy Law*, 7(3), 233–242.
22. Shany, Y. (2023a). Digital Rights and the Outer Limits of International Human Rights Law. *German Law Journal*, 24(5), 847–866.
23. Shany, Y. (2023b, December 11). *From digital rights to international human rights: the emerging right to a human decision maker*. Oxford AI Ethics Blog.
24. Wachter, S., Mittelstadt, B., & Floridi, L. (2017). Why a right to explanation does not exist in the GDPR. *International Data Privacy Law*, 7(2), 76–99.
25. Zuiderveen Borgesius, F. (2020). Strengthening legal protection against discrimination by algorithms. *The International Journal of Human Rights*, 24(10), 1572–1593.

**O'ZBEKISTON
QONUNCHILIGI TAHLILI**

ILMIY-TAHLILIIY JURNAL
2026-YIL 1-SON

**ОБЗОР
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
УЗБЕКИСТАНА**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2026 ГОД № 1

**UZBEKISTAN
LAW REVIEW**

SCIENTIFIC ANALYTICAL JOURNAL
2026 ISSUE 1

VOLUME 3 / ISSUE 1 / 2026

DOI: 10.51788/TSUL.UZLAWREV.3.1.

ISSN 2181-8118

DOI: 10.51788/TSUL.UZLAWREV.